

СОРОКОВИНЫ

Культура. — 1995. — 8 септ. — С. 6.

ФЕНОМЕН ВЛАДА ЛИСТЬЕВА

Я не был с ним знаком лично. Влад Листьев вошел в мою семью, как и в миллионы других, с телеэкрана. Почему его визита ожидали с радостным нетерпением? Ведь он не сулил золотые горы, не обращался к нам со словами ободряющими, не взывал на худой конец к спасительному в наше время чувству юмора. Здесь было иное: мы вовлекались в жизнь. Не в талантливо воспроизведенное театральное действие, а в этот самый миг рождающуюся роскошь общения, к которой все мы оказывались причастны. Это было чудо, его не объяснишь лишь результатами усилий «команды» и высоким профессионализмом самого Влада. И его об этом уже не спросишь...

В непрекращающемся диалоге Человека с Богом (а это и есть история) отдельная человеческая судьба подчас оказывается вехой, отмечающей возможность крутого поворота в развитии культуры. Именно такой вехой видится звезда Влада Листьева, ярко вспыхнувшая в тревожном небе России. Она не погасла с его трагическим уходом из жизни. Давайте вместе обратим взоры к таинственному ее мерцанию...

Мастера ведения диалога на телеэкране рождались и росли на наших глазах, понемногу овладевая профессиональными секретами, по черточке раскрывая свою неповторимую индивидуальность. Конечно, у нас возникали личные мимолетные либо устойчивые симпатии и антипатии к тому или иному тележурналисту. Тогда-то в новом созвездии телеведущих и зажглась звезда Влада Листьева, ничем особым поначалу не выделявшаяся.

Вероятно, все еще помнят вначале робкие, затем все более смелые попытки «разговорить» участников «мостов» и «тем»; чудеса монтажа, понемногу уступавшие позиции прямому эфиру, где все тайное становилось явным; наконец, создание несколько мистической атмосферы, в которой границы между игрой и жизнью, между «той» и «этой» сторонами экрана оказывались призрачными.

Любовь к телеведущему оказалась тем необходимым составляющим, которое начало превращать телевидение из средства информации и развлечения в источник знания.

Любовь к телеведущему... Взаимна ли она? Однозначный ответ дать затруднительно. Конечно, и доброжелательность, и даже ласку в глазах улыбающегося с экрана человека нетрудно принять на свой счет, но это может быть всего лишь результат высокого профессионализма, психологический прием, что-то вроде американского «ч-и-и-з». Можно миллионам телезрителей даже прямо в любви с экрана объясниться, но ведь и это весьма условно. Иное дело — диалог в прямом

эфире, если ведущий любит своего собеседника, а зритель — ведущего. Образуется своеобразный «любовный треугольник», но в отличие от реальных — классических, создающих драматические коллизии, — он порождает светлую радость в душе, глубокую признательность, действительное объединение с «познающим», а зачастую и с «познаваемым».

Но не надумана ли подобная модель? Нет, все это было действительно осуществлено Владом Листьевым в его «Часе пик». «Я влюбляюсь практически в каждого человека, с которым беседую, — иначе тепла не будет с экрана» — это признание сделано им в интервью, опубликованном за пять дней до гибели.

Наступил момент, когда профессионализм перестал служить для него преимущественно средством самоутверждения; возникла и начала крепнуть совершенно иная направленность его жизни, где социальная функция все больше осмысливалась им как духовная миссия. Влад не выделял еще ее религиозное начало, не упоминал все Имя Божие, но разве не это слышится нам в его откровенных ответах самому себе о вере, прозвучавших в последнем его «Часе пик», записанном ранее, но воспринятом нами уже из запредельного далека?.. Возможно, многие со мной не согласятся, но я утверждаю: Владу была знакома и близка молитва, по Исааку Сирину, «теоцентрическое устройство души», которое он определял, как «всякую беседу», совершаемую втайне (внутренне), и всякое попечение доброго ума о

Боге, и всякое размышление о духовном. Вероятно, все это было еще неясным, необычным для приученного к исключительно рефлексивному восприятию реальности ума. Сам Влад в последнем интервью говорит о том, что «осталась работа и желание что-то делать». Интервьюер даже выделяет никак не объяснимую одержимость его работой. Но ведь это была лишь видимая часть айсберга. Невидимым миру оставалось непрекращающееся духовное усилие, о котором В. Лосский весьма точно сказал: «Он не активно и не пассивно, оно — бдительно».

В этом свете совсем по-новому воспринимаются некоторые особенности, определившие последние годы жизни Владислава Листьева: миновавшая его увлеченность личным обогащением, отсутствие интереса к политической карьере, невозможность до конца подчиниться правилам рыночных игр. Власть, которую он согласился принять, необходима была ему всего лишь для того, чтобы голубой экран без помех продолжал помогать людям избавляться от рабской психологии, социальной апатии, тотального неверия. Это были, конечно же, не информация, и не развлечения, но прежде всего просвещение. Формы его могли быть разными, сам же Влад предпочитал диалог: «Час пик» он намеревался вести года четыре... Он начал восхождение. Перед ним лежал путь духовного просветителя, так необходимого России в это трудное время. И это был путь на Голгофу...

С. ГАЛЬПЕРИН.